

СУЩЕСТВОВАНИЕ «реликтовых» государств в Тропической Африке обычно маскируется тем, что многие из них объединены в рамках единого, по внешним своим признакам вполне современного государства. Это не значит, что «реликтовые» государства потеряли свое бывшее значение. Оно с особой силой обнаруживается в тех случаях, когда границы «реликтового» и современного государств совпадают, а такие случаи довольно многочисленны. К ним относятся все микрогосударства Южной Африки: Лесото, Ботсвана, бывший протекторат Свазиленд. До недавних лет были монархией Руанда и Бурунди, где власть лишь в малой степени подверглась модернизации. Таким образом, и структура правящей в доколониальной Африке прослойки и ее прерогативы в прошлом и сегодня — это проблема жгучей политической актуальности для Тропической Африки.

ности. Однако вернее было бы рассматривать и личность верховного вождя и его биографию как символ происходящих на континенте крутых перемен.

Хотя Эдвард Овусу, будущий асантехене, и родился в знатной семье (мать его была дочерью королевы-матери, а отец — одним из 13 «лингвистов» — глашатаев верховного вождя), ничто не предвещало, что он займет трон асантехене. Его жизнь складывалась нелегко. С 11 лет он начал зарабатывать на жизнь и два года проработал в офицерской столовой в Кумаси. Благодаря попечению одного проживавшего в Кумаси состоятельного человека Эдвард смог поступить в городскую школу методистской церкви. После ее окончания он работал в торговле, большей частью как приказчик. В делах будущий асантехене был предприимчив и удачлив. Занимаясь скупкой слоновой кости, он около года провёл в Нигерии.

ные бизнесмены, как ловкие чиновники. Когда при дворе того же асантехене в июле 1966 года стал вакантным трон одного из вождей — батамахене, то избрания добились владелец клиники имени св. Иоанна в Адуквама и служащий отдела городского планирования при совете города Кумаси. Оба претендента — люди вполне современной формации — рвались к высокой должности ради связанного с ней громкого титула и определенных, измеряемых вполне точной денежной суммой привилегий. Каждый из них поддерживался старейшинами своего рода, затеявшими яростный спор, по материнской или отцовской линии должен наследовать трон батамахене.

Немало подобных же историй повседневно случается в соседней Нигерии.

Так, в начале 1967 года, в городе Огбомошо бывшей Западной области проходили выборы старейшинами шауна — верховно-

Вожди и народ

В. ИОРДАНСКИЙ,

Кандидат исторических наук

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Особенно важны изменения, которые происходят в среде самих вождей и в их отношениях с народом. Ответ на этот вопрос позволит понять нынешнее положение вещей и в какой-то степени предугадать направление наблюдаемых сдвигов.

Сначала о самом характере прослойки вождей в современной Африке. Там, где они сохранились, только детали их церемониального костюма остались, пожалуй, неизменными.

Верховный вождь ашантийцев — асантехене Премпе II как бы символизирует в Гане силу традиционных начал, прочность связей современности с прошлым. Его имя и сегодня во многих краях страны произносится полушепотом, а любая попытка обсуждать его решения или действия считается крайней степенью бестак-

В 1931 году, когда Эдвард Овусу был избран вождем, его владения практически ограничивались городом Кумаси. Обнаружив немалый дипломатический талант, он сумел добиться согласия английской колониальной администрации, напуганной в начале века яростным сопротивлением ашантийцев, на восстановление ашантийского государства в прежних границах. Удалось ему преодолеть и сопротивление некоторых верховных вождей.

Занимаясь делами государства, асантехене не забывал и о личном благосостоянии. За долгие годы своего пребывания у власти он превратился в одного из крупнейших землевладельцев Ганы. Бизнесмен оставался бизнесменом и на княжеском троне.

Биография асантехене среди биографий вождей — не исключение, а скорее правило. На высшие посты традиционной иерархии ныне рвутся люди, зарекомендовавшие себя как энергич-

го князя города. Этот пост занял 45-летний служащий отдела здравоохранения района.

Подобная картина характерна для большинства стран Тропической Африки, где еще сохраняются вожди. Высшие ступени иерархической лестницы начинают захватываться буржуазией, которая стремится для обогащения использовать не только свои классовые методы, но и традиционные привилегии вождей. Борьба за высшие посты сопровождается ожесточенными схватками, подкупом, она всегда ведет к значительным денежным тратам.

Эта живучесть давних принципов пополнения прослойки во многом обуславливает ее сегодняшнюю прочность. Ведь часть возможных оппозиционеров вливается в ее состав, привлеченная перспективой использования в собственных интересах традиционных привилегий. Напротив, если бы система была жесткой, если бы «каста» вождей была со-

Первую статью В. Иорданского см. «Азия и Африка сегодня» № 1 за 1969 год.

вершенно замкнутой, конфликт между этой кастой и новым правящим классом мог бы стать значительно острее и напряженнее, чем это наблюдается сегодня.

Какие же из своих старых привилегий сохраняют за собой традиционные вожди? Что делает их посты столь притягательными для молодой африканской буржуазии?

Привилегии вождов были, да и остаются многочисленными. По всей Тропической Африке они имели право требовать от крестьян дани, несения различных трудовых повинностей. В ряде случаев, как, например, у бусогов Уганды, вожди захватили монополию на образование. Существенную роль играло то обстоятельство, что вожди были также и судьями, вершащими достаточно важными для крестьян делами. Суд зачастую становился в их руках средством для самых наглых вымогательств, для запугивания тех, кто пытался их критиковать. Вожди высших степеней, как правило, располагали и располагают собственной полицией, которая от них получает жалованье. Вряд ли можно сомневаться, что эти приспешники выполняют малейшее повеление вождя, не слишком задумываясь, насколько их действия соответствуют законам.

Все эти права очень важны. Но, пожалуй, главным пока что остается право вождов различных степеней распоряжаться землей. Это право позволяет им сохранять в работоспособном состоянии внутриобщинный механизм эксплуатации труда рядовых общинников, молодежи и женщин, поскольку опасение быть лишенными земли удерживает горячие головы сре-

Республика Кения — страна, отличающаяся необычайной пестротой этнического состава населения. Здесь живет более 70 племен и народностей, имеющих свой язык, свои обычаи, традиции.

На снимке: Воины одного из крупнейших кенийских племен — луо. Их яркий наряд дополняют многочисленные амулеты из костей и зубов убитых ими хищных животных и ожерелья, сделанные из слоновьего хвоста. Наиболее отважные охотники удостоиваются чести прибавить к своему головному убору страусовые перья, клыки кабана и раскрасить лицо затейливым орнаментом.

Фото С. Кулика (ТАСС)

ди противников знати от выступлений. Одновременно это же право становится в ряде районов Африки источником многочисленных злоупотреблений. Эта проблема настолько важна, насколько актуальна, что следует уточнить, в чем состоят права вождей на землю, каковы их традиционные обязанности в этом деле.

Например, у йоруба уже старейшина деревни (бале) имеет привилегии, ставящие его над односельчанами. Хотя его право распоряжаться землей ограничено советом родовых старейшин, никто не может от него требовать отчета в том, как он ведет хозяйственные дела деревни. По традиции он должен быть предвзвешенно смещен. Бале может рассчитывать на помощь сородичей при обработке поля, сборе урожая, при ремонте дома. Во время торжеств ему преподносятся подарки. Он следит за справедливостью в распределении земель и их наследовании. Кроме бале, никто не имеет права говорить от лица всей деревни.

Но привилегии старейшин кажутся весьма скромными в сравнении с правами вождей. В некоторых случаях их власть ущемляет власть старейшин. Так, вождь, входящий в род, может предоставить участок земли постороннему единовластно, не считаясь с мнением бале, с мнением рядовых сородичей. Его воля считается законом. Напротив, бале обычно не принимает решения о выделении участка пришельцу, не узнав отношения к этому вышестоящего вождя. В его согласии он нуждается еще и потому, что в случае возникновения споров из-за выделенного участка вождям принадлежит право вынесения приговора.

Когда земля предоставлялась в качестве дара, на этом участке совершались религиозные обряды с участием представителей верховного вождя — обы — соседей. Они играли роль свидетелей. Во время обряда в глиняный горшок помещались орехи кола, каури, заливалось пальмовое масло. Горшок устанавливался на даримом участке, а вблизи сажались деревья «перегун», «акоко» и «этурун». Затем закалывалась коза, совершались молитвы в честь мира и земного плодородия. Участие представителей обы в церемонии подтверждало право вождя на землю.

Унаследованное прослойкой вождей от эпохи родо-племенного строя право распоряжаться об-

щинными земельными резервами и необработанными землями стало средством, с помощью которого знать йоруба расчищает путь для общественных отношений капиталистического типа. Ущемление прав родов в том, что касается выделения незанятых земель пришлым крестьянам, является признаком давно начавшегося постепенного перерастания племенной знати в эксплуататорский класс. Но здесь же проходит граница, отделяющая привилегии общинной аристократии от прав рода. Вожди не могут посягать на земли, уже распределенные между общинниками. Если земля одного из сородичей забрасывалась им, она возвращалась роду. Только за самые тяжелые преступления — многократное воровство, сожительство с одной из жен князя, организацию заговора против обы или общины — общинник наказывался изгнанием из деревни и терял права на родные земли. Однако его участок возвращался роду. Лишь в том случае, если с ним уходили в изгнание все его сородичи, брошенная земля поступала в распоряжение вождя.

Таков обычай. В действительности положение было и остается несколько иным. Знаток системы землевладения у йоруба англичанин Г. Л. Уорд-Прайс писал: «Беспринципный оба или подчиненный ему вождь могли пренебречь и пренебрегали обычным правом, когда им заблагорассудится. Действительно, в ряде мест туземный обычай столь часто попирался, что его правила стали темны для многих».

Согласно легендам, все княжеские роды йоруба происходят от Оудуду, полумифического героя — основателя нации. Главы родов, князья — потомки Оудуду — распределяли захваченные ими земли среди позднее пришедших на эти места одноплеменников. Из принадлежности к роду основателя новых земель вытекало, в частности, право княжеских сородичей на выдвижение из своей среды очередного кандидата на трон обы, на политическую власть.

Оба сохраняет главным образом право контроля над еще не распределенными землями княжества. В силу этого права верховные вожди на севере Йорубаленда определяют дату, когда крестьяне могут начать поджоги саванны для расчистки полей. Признанием суверенных прав князей на землю остается обычай отдавать им клык каждого убитого в лесах княжества слона, шку-

ру леопарда, а также запрет на рубку некоторых деревьев.

Князь продолжает быть высшим арбитром в земельных спорах. Дела, не решенные вождями низших ступеней, поступают в его ведение, и совместно с советом вождей он выносит окончательное решение. Это положение обы и окружающих его вождей открывало перед ними широкие возможности для злоупотреблений, поскольку не было суда выше обы, где крестьянин мог бы опротестовать княжеский приговор.

Что касается продажи земель, то еще в начале нашего века в Абеокуте и Иджебу-Оде никто не смел этого делать без предварительного согласия обы. При этом говорили, что контроль со стороны вождей уменьшит возможность мошенничества, часто совершаемых лицами, торгующими землей, на которую у них нет прав. Но вожди сами злоупотребляли правом контроля и часто выдавали разрешения на продажу без должной проверки. По всему Йорубаленду вожди и обы добивались контроля за продажей земли с тем, чтобы получить часть денег, вырученных продающим.

Ярким примером переживаемой вождями метаморфозы может служить их судьба среди темне в Сьерра-Леоне. По данным, собранным на месте английским этнографом В. Дорджаном, вожди у темне начали использовать труд своих подданных на собственных полях примерно с 1905 года. Первоначально это заменяло традиционную дань продуктами и было встречено крестьянами даже с одобрением. Но по мере повышения цен на рис — основную зерновую культуру края, вожди стали смотреть на свои поля как на источник денежных доходов. Они начали увеличивать размеры полей и чаще прежнего требовать от крестьян «помощи» трудом. Дорджан отмечает, что «вождь может обрабатывать землю, где ему вздумается на территории собственного княжества». В ряде районов крестьяне стали облагаться трудовыми повинностями каждый второй либо третий день, и у них не оставалось времени для работы на собственном поле. На крестьян, не справлявшихся с трудовой повинностью, накладывались разорительные штрафы.

Грабительские денежные поборы были еще одним средством обогащения вождей у темне.

В. Дорджан пишет, что постепенно требования продовольствия и денег учащались, поборы стали производиться по самым разным поводам, вроде оплаты расходов вождя в связи с его участием в церемонии вступления в должность или, напротив, в похоронах соседнего вождя, возмещения затрат, связанных с посещением заседаний совета района и т. п. Часто предлоги для сбора дани были вымышленными. Столь же незаконно вожди увеличивали ежегодный налог. Им облагались никогда не существовавшие или разрушенные дома. Когда была введена подушная подать, ее взимали с подростков, женщин, мертвых и даже лиц, которые вообще никогда не существовали. Для исправления подобных «ошибок» в налогообложении вождю следовало преподнести «подарок».

Анализируя отношения между крестьянством и знатью, ученые из исследовательского отдела политбюро партии Национальное движение революции Конго (Браззавиль) ввели в обиход термин «племенная бюрократия» для обозначения племенной верхушки. Вероятно, тем самым они хотели подчеркнуть связь племенной знати с колониальной администрацией и ее роль в колониальном бюрократическом аппарате. Так или иначе, с их главным выводом относительно проблемы отношений между крестьянами и знатью не согласиться нельзя. Они писали: «Очевидно, что главное противоречие (деревни.— В. И.) таится в отношениях между племенной бюрократией и сельскохозяйственными производителями». По их мнению, это противоречие должно найти свое разрешение в «исчезновении племенной бюрократии».

Это исчезновение может быть осуществлено мирными средствами, когда власть находится в руках демократических сил, но иногда требуется социальный взрыв большой силы, чтобы интересы широких слоев крестьянства восторжествовали над привилегиями знати. Такой взрыв в конце 50-х годов произошел в тогда еще бельгийской колонии Руанде. Речь идет о пресловутом конфликте бахуту и ватутси в этой небольшой центральноафриканской стране.

Обычно этот конфликт изображается как чисто племенной между земледельцами бахуту и скотоводами ватутси. Но, в сущности, Руанда, как и сопредельное ко-

ролевство Бурунди, стала ареной ожесточенной социальной борьбы, борьбы закабаленного крестьянства против вождей и аристократии. Знаменательная подробность: по своей этимологии слово «тутси» примерно значит «хозяин», «господин», тогда как «хуту» равнозначно словам «крестьянин», «простолудин». Со временем среди ватутси выявилась прослойка вождей, закабалившая как рядовых ватутси, так и бахуту. В годы колониального гнета она получила полную поддержку бельгийской колониальной администрации по мотивам, которые еще в 1930 году ярко изложил глава католической миссии в Руанде монсеньор Класс. Он злое предсказывал, что администрация откроет дорогу анархии и антиевропейскому коммунизму (1), если посягнет на класс ватутси: «Мы не получим лучших, более умных, более активных, наиболее способных понимать прогресс вождей».

В ноябре 1959 года начались волнения среди крестьянства. Они выразились, в частности, в нале-

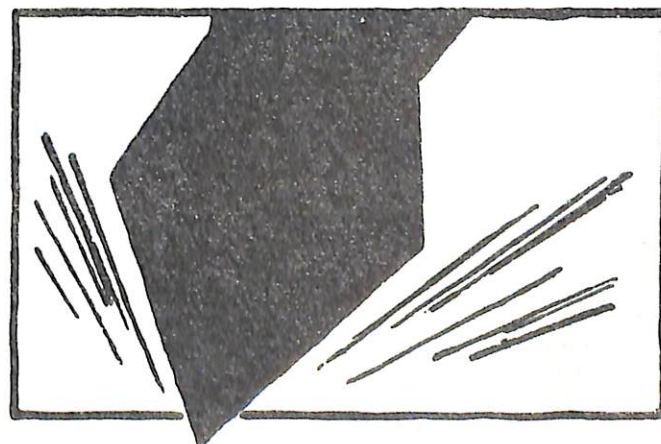
тах крестьян на владения вождей. По официальным данным, к началу волнений в Руанде было 45 вождей и 559 младших вождей. Своих функций лишились 22 вождя и 158 младших вождей. Эти цифры ясно показывают социальный характер движения, через несколько лет завершившегося свержением самого мвами (короля) и провозглашением республики.

Если, однако, социальный характер борьбы крестьян против вождей очевиден для внимательного наблюдателя, то для поверхностного зрителя он маскировался в форму «племенных» распри. И не случайно. Используя силу клановой солидарности, аристократия ватутси сумела связать со своей судьбой судьбу рядовых соплеменников, и удары возмущенных социальной несправедливостью бахуту заделали и бедняков ватутси, казалось бы, их собратьев по борьбе. Так часто случается в Тропической Африке, где новые общественные отношения существуют сплошь и рядом в плотном коконе старых общественных отношений.

Карикатура из газеты «Нойэс Дойчланд» (ГДР)

На словах...

и на деле.